

П. И. Гайденко

Канонические ответы митрополита Иоанна II (Продрома; †1089) о священнических одеждах: реалии Руси и культура Византии

УДК 94(470)+271.2-525.4-9:348(091)
DOI 10.47132/2541-9587_2024_4_213
EDN OOUDEL

Аннотация: 14 и 33 правила Канонических ответов митрополита Иоанна II (Продрома; †1089) посвящены одежде клириков. Такое внимание к священническому облачению объяснялось не только важностью иерейских одежд, но и тем, что реалии Руси вступали в противоречие с культурой и традицией Византии. Так, совершение служб в зимнее время предполагало использование одежд из шкур животных, что не соответствовало представлениям о ритуальной чистоте. Не меньшую трудность представляли местные нравы в кругу богатого духовенства, инкорпорированного в круг киевской знати. Использование ими богатых одежд, вероятно, соперничавших со святительскими одеждами, вынуждало митрополита обратиться к авторитету VI Вселенского Собора. Однако, вынести суждение об эффективности принятых первосвященником мер затруднительно.

Ключевые слова: церковное право, каноническое право, Канонические ответы митрополита Иоанна II, церковные облачения, одежда клириков, культура и традиции Византии, Русская Православная Церковь.

Об авторе: Павел Иванович Гайденко

Доктор исторических наук, профессор кафедры исторических наук и архивоведения Московского государственного лингвистического университета, профессор кафедры истории Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, председатель редакционного совета журнала «Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях»; действительный член Общества изучения церковного права им. Т. В. Барсова (Барсовского общества) Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви.

E-mail: prof.gaydenko@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2104-362X>

Для цитирования: Гайденко П. И. Канонические ответы митрополита Иоанна II (Продрома; †1089) о священнических одеждах: реалии Руси и культура Византии // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 4 (24). С. 213–228.

Статья поступила в редакцию 20.05.2024; одобрена после рецензирования 07.06.2024; принята к публикации 10.06.2024.

Pavel I. Gaidenko

Canonical Answers of Metropolitan John II (Prodomos; †1089) on Priestly Garments: Realities of Russia and the Culture of Byzantium

UDC 94(470)+271.2-525.4-9:348(091)
DOI 10.47132/2541-9587_2024_4_213
EDN OOUDEL

Abstract: Canons 14 and 33 of the Canonical Answers of Metropolitan John II (Prodomos; †1089) are devoted to the clothing of the clergy. Such attention to priestly vestments was explained not only by the importance of priestly vestments, but also by the fact that the realities of Russia were in conflict with the culture and tradition of Byzantium. Thus, the performance of services in winter required the use of clothing made of animal skins, which did not correspond to the ideas of ritual purity. No less difficult were the local customs in the circle of the wealthy clergy, incorporated into the circle of the Kiev nobility. Their use of rich clothing, probably competing with the vestments of the bishops, forced the metropolitan to appeal to the authority of the Sixth Ecumenical Council. However, it is difficult to judge the effectiveness of the measures taken by the primate.

Keywords: church law, canon law, Canonical answers of Metropolitan John II, church vestments, clerical clothing, culture and traditions of Byzantium, Russian Orthodox Church.

About the author: **Pavel Ivanovich Gaidenko**

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historical Sciences and Archival Studies at the Moscow State Linguistic University; Professor of the History Department at the Bauman Moscow State Technical University; Chairman of the Editorial Board of the Journal "Palaeorosia. Ancient Russia: Time, Personalities, Ideas"; full member of the Barsov Society for the Study of Church Law (Barsov Society) at the Saint Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church.

E-mail: prof.gaydenko@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2104-362X>

For citation: Gaidenko P. I. Canonical Answers of Metropolitan John II (Prodomos; †1089) on Priestly Garments: Realities of Russia and the Culture of Byzantium. *Proceedings of the Department of Theology of the Saint Petersburg Theological Academy*, 2024, no. 4 (24), pp. 213–228.

The article was submitted 20.05.2024; approved after reviewing 07.06.2024; accepted for publication 10.06.2024.

Среди множества вопросов мниха Иакова, прокомментированных митр. Иоанном II (Продромом; †1089), присутствуют вопросы об одеждах священнослужителей (14-е и 33-е правила). В редакции Археографической комиссии данный митрополитом ответ звучит следующим образом:

«Службникомъ и иереемъ, иже облачаться в портъ исподнии от кожъ животныхъ, иже едятъ и неседныхъ, великыя ради зимы, не възбраниемъ ни [въ] Грецихъ ни в Руси, студени ради»¹.

«О немъже аще подобаеъ иже Богу отлучене иереемъ облачитися в ризы различныя, шелковыя, святии отцы на. §. м сборе си всемъ подобаеъ ниединому клирику ни в граде сущю, ни на пути ходящю в ризы неподобныя облачитися, но ризы имети подобны, якоже темъ суть отлучени; черныхъ, якоже подобно, аще не будетъ ту отинюдь, да белыхъ. Аще приступитъ кто, да на неделю возложити въ отлучене епитемью»².

Судя по всему, мних Иаков спрашивал, во-первых, о допустимости использования в условиях зимней стужи в качестве нижней (исподней) одежды «нечистых» животных. И, во-вторых, Иакова интересовала каноничность обладания и использования священнослужителями разнообразных, в том числе шелковых риз (одежд). Если в первом случае дело касалось, скорее всего, бедного духовенства, то во втором — состоятельных иереев. При этом Иаков не уточнял, о каком священстве идет речь — монашествующем или же не обремененном иноческими обетами. Высказывая по этому поводу рекомендации, русский первосвятитель стремился водворить закрепленный в канонах, характерный для византийской церковной культуры порядок ношения пастьями одежды, которая должна была подчеркивать особый статус ее обладателей. Однако, при всей кажущейся ясности выносимых митр. Иоанном решений слова архипастыря нуждаются в некотором пояснении.

К большому сожалению, в отечественной историографии продолжительное время большого интереса к затронутым темам, рассматриваемым в Канонических ответах, не ощущалось. Число авторов, в большей или меньшей степени погруженных в материал, обращавшихся к истории церковной одежды, невелико. Это особенно досадно, если принять во внимание, что западноевропейская историография, посвященная одеждам клириков как на заре христианства, так и в более поздние периоды истории, является хоть и немногочисленной, но значительно превосходящей российские исследования в этой области как по широте охвата материала, так и по проработанности сюжетов, и по сформулированным проблемам³. Вероятно, отмеченное положение

¹ Канонические ответы митрополита Иоанна II // Русская историческая библиотека. Т. 6. Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1880. Стб. 7 [Иоанн. 14].

² Там же. Стб. 19–20 [Иоанн. 33].

³ Отметим, что наиболее крупные работы в этой области созданы в контексте истории Церкви в Англии. Примером этого могут служить обширные обзорные исследования Janet Mayo и George Smith Tyack (*Mayo J. A History of Ecclesiastical Dress. New York, 1985; Tyack G. S. The historic dress of the clergy. London, 1897*). Вместе с тем, при изучении литургических и повседневных одежд клириков и монашествующих восточного христианства большую ценность представляют по сей день не утратившее своей научной значимости сравнительное исследование Joseph Braun, сопоставившего историю развития церковных одежд в Западной Европе и Византии,

дел извиняется тем, что регламентируемый русским первосвятителем вопрос об одежде и тканях по меркам российской науки XIX–XXI вв., увлеченной хитросплетениями национального сознания, масштабом политических процессов великого прошлого и провиденциальными интуициями, остро переживавшимися в церковной научной среде⁴, виделся банальным и малозначимым, заслуживающим лишь внимания музейных исследователей, а потому необходимости в детальном рассмотрении подобных аспектов историками прошлого не ощущалось. И все же такое отношение к изложенным в правилах митр. Иоанна сторонам жизни Церкви представляется напрасным хотя бы потому, что одежда, которую носят священнослужители во время совершения ими богослужения или же в быту, крайне важна не только в утилитарном смысле, но и в иных контекстах: символическом, социальном и т. д. По крайней мере, современные исследования в данной области позволяют увидеть в одежде значительно большее, чем это может понять сознание обывателя⁵.

Так или иначе, признание важности вопросов бытовой истории в российской церковно-исторической мысли произошло уже на исходе XIX в. Первым из русских церковных историков к проблемам повседневности обратился Е. Е. Голубинский, посвятивший бытовым аспектам жизни клириков, в том числе и их одеждам, несколько замечательных глав в своей «Истории Русской Церкви»⁶. Стремясь создать пространное и всеохватывающее исследование по церковной истории, Е. Е. Голубинский постарался рассмотреть самые разнообразные стороны жизни Русской Церкви, ее клира и монашествующих. Такое внимание выдающегося историка к одежде («ризам» и «портам» русского духовенства) не было лишь плодом его научной любознательности.

а также фундаментальные работы более позднего времени: Tano Papas, Warren T. Woodfin и Karel C. (*Braun J. S. J. Die liturgische Gewandung im Occident und Orient nach Ursprung und Entwicklung. Freiburg im Breisgau, 1907; Papas T. Studien zur Geschichte der Messgewänder im byzantinischen Ritus. München, 1965; Woodfin W. T. The Embodied Icon. Liturgical Vestments and Sacramental Power in Byzantium. Oxford, 2012; Innemée K. C. Ecclesiastical Dress in the Medieval Near East. Leiden, 1992*).

⁴ О провиденциальности российской церковно-исторической мысли см.: *Солнцев Н. И. Провиденциальная историческая концепция в трудах русских историков-клириков XVIII–XIX веков. Нижний Новгород, 2005*.

⁵ Рассуждая о комплексе функций и значений одежды, профессор Karel C. Innemée обратил внимание на то, что эти смыслы и функции имеют несколько слоев («multiple layers»). Первый из них – защита от жары и холода. Второй – покрытие табуированных частей тела. Третий – передача в мир сообщения о том, кем является ее носитель. Четвертый – указание на авторитетность, которая выражается в правах и возможностях не обладателя, а того социального, политического или религиозного института, от имени которого он действует. Пятый – просматривается в дополнительных украшениях и деталях одежды и образа носителя, например, поношенности и потертости материалов. Он позволяет определить духовный и социальный ранг человека (*Innemée K. C. Clothes make the magistrate: the birth of ecclesiastical dress // Rituals in Early Christianity. New Perspectives on Tradition and Transformation / Ed. A.-K. Geljon, N. Vos. Leiden, 2021. P. 175*).

⁶ *Голубинский Е. Е. История Русской Церкви [Репр. изд.]. Т. 1: Период первый, киевский или домонгольский. Первая половина тома. М., 1997. С. 564–603; Его же. История Русской Церкви [Репр. изд.]. Т. 1: Период первый, киевский или домонгольский: Вторая половина тома. М., 1997. С. 253–276*.

Оно отражало содержание источников и внимание церковных норм того времени к священническим одеждам и одежде христиан. Данная сторона богослужбной и повседневной жизни клириков и христиан нашла отражение в целом ряде канонических норм и назиданий изучаемого им времени. Так, одежде клириков и иных лиц посвящены 14-е и 33-е правила митр. Иоанна⁷. Вопросание Кирика Новгородца, Саввы и Ильи обращается к подобным вопросам еще в семи правилах: 10⁸, 52⁹, 91¹⁰, 92¹¹, связанных с именем Кирика Новгородца, и 6¹², 14¹³, 15¹⁴, 17¹⁵, составленными свящ. Саввой. Тема скромности монашеской одежды неоднократно прозвучала в Печерском патерике¹⁶

⁷ Предложенные митр. Иоанном нормы четко сформулированы и при этом примечательны, поскольку хорошо отражают реалии его времени.

⁸ 10-й ответ в Вопросании в рекомендациях о порядке совершения крещения обращает внимание на необходимость облечь новокрещенного в «порты чисты», «ризы крестные» и «венец» (Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа новгородского, и других иерархических лиц // Русская историческая библиотека. Т. 6. Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1880. Стб. 26 [Кирик. 10]).

⁹ Данное правило призывает в назидательных целях отпевать «без риз» (без облачения священника в фелонь) непокаявшихся перед смертью, дабы «ать и другой бояся тогоже» (Вопросы Кирика... Стб. 36–37 [Кирик. 52]; *Милюков В. В., Симонов Р. А.* Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. М., 2011. С. 446, комм. 97).

¹⁰ Отвечая на вопрос, в какой одежде можно ходить (вероятно, христианину или клирику), еп. Нифонт вполне определенно отвечает, что в любой: «А портъ дея, въ чемъ хотяче ходити нетоуть беды, хотя и въ медведеине». Судя по всему, акцент на «медведеине» объяснялся ритуальным использованием медвежьих шкур, что в итоге ставило христианина в сложную ситуацию, связанную с трудноразрешимостью вопроса использование таковых шкур в своем быту (Вопросы Кирика... Стб. 48; *Милюков В. В., Симонов Р. А.* Кирик Новгородец... С. 456, комм. 169).

¹¹ Разбирая вопрос о возможности расторжения брака, еп. Нифонт помимо прочего обращает внимание на недопустимость того, чтобы муж из-за долгов «грабил» порты жены, что еще раз подчеркивает ценность одежды (Вопросы Кирика... Стб. 48 [Кирик. 92]).

¹² Примечательный вопрос о возможности служения священника, в порты которого в качестве заплатки вшит кусок материи от женской одежды: «Аще слоучитъ платъ женьскый въ портъ вшити попу, достоить ли въ томъ слоужити порте? — И рече: достоить, — ци погана есть жена?» (Вопросы Кирика... Стб. 53 [Савва. 6]; *Милюков В. В., Симонов Р. А.* Кирик Новгородец... С. 461, комм. 197–200).

¹³ Данный ответ уточняет порядок ношения фелони при посещении больных: «Къ больноу велити ити безъ ризъ, нести причащенье дати, отпевше, что кажеть» (Вопросы Кирика... Стб. 55 [Савва. 14]).

¹⁴ Здесь еп. Нифонт определяет возможность облачения в фелонь при принятии покаяния. «Аще ся боленъ покаеть, велитъ безъ ризъ каяться, аще не можеть до церкви дойти. Аще ли, рече, жена боудеть, то облечися въ ризы или въ церкви облечися: велико бо, рече, покаянье, не просто мнять друозии» (Вопросы Кирика... Стб. 55 [Савва. 15]).

¹⁵ Данный вопрос примечателен, поскольку затрагивает интимные стороны жизни священника, а именно вопросы восстановления ритуальной чистоты в случае ночного «осквернения», в том числе «осквернения» одежды (Вопросы Кирика... Стб. 55–56 [Савва. 17]).

¹⁶ В целом ряде сюжетов Киево-Печерский патерик обращает внимание на одежду иноков, рассматривая ее бедность в качестве неперемennого признака монашеской добродетели. Так, например, показателен упрек владимирского епископа Симона к иноку Поликарпу. Святитель ставит собеседнику в пример Николу Святошу и его

и в поучениях свт. Кирилла Туровского¹⁷. Образ риз, заимствованный из Св. Писания, присутствует в целом ряде поучений Изборника 1076 г.¹⁸ и т. д.

Все перечисленные правила, рекомендации и наставления наглядно и убедительно демонстрируют, что одежда современников русского Средневековья, какой бы она ни была: исподней, портами или ризами, выполняла не только утилитарные функции защиты тела от внешнего мира и обладала значительной материальной ценностью для ее обладателей, но и несла множественные смыслы: сакральные, родовые, половые, социальные и т. д. Одеждами покупали расположение, отмечали социальный статус и даже могли изменить положение человека в обществе. Все перечисленное относилось не только к лицам, не отмеченным священным саном, но и тем, кто восходил на церковные иерархические ступени служения.

В последние десятилетия тема одежды клириков с разной степенью погружения в материал была рассмотрена в работах небольшого круга исследователей, занимавшихся вопросами истории канонических памятников Древней Руси¹⁹. И хотя объем этих публикаций уступает тому пласту работ, который присутствует в западной науке, положение дел уже не представляется совершенно отчаянным. Тем не менее, при всех несомненных достижениях в отмеченной области, необходимо признать, что история церковных одежд изучена неравномерно. Лучше всего исследована история литургических западноевропейских облачений. Отчасти рассмотрены некоторые аспекты литургических и парадных одежд в Византии. Что же касается

власяницу: «Въистину сий болѣ всих князий рускыхъ! Какъ же сравняется твоя укоризна того власяници? Ты бо в наготу позванъ еси — и се ризами красными украшаешися, и сих ради обнаженъ имаши быти негльбнныя одѣжда и, яко не имѣа брачныя ризы, сирѣчь смиренна, — осудишася» (Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII в. СПб., 1997. С. 382).

¹⁷ В «Слове о бельцах» свт. Кирилл Туровский напоминает печерским инокам и прежде всего иг. Василию о необходимости довольствоваться скромной одеждой, что соответствует идеалам иночества и христианства: «А иже худыми оболчен рубы — се бес притчи слово: ту бо яриг, и власяница, сукняныя одежда, и от козыхъ кожъ оболченъя. Всяка бо добра риза и плотское украшенъе чюжь есть игумена и всего мнишьскаго уставленъя, — «Иже бо, — рече, — Христос, — мякъкая носить, си в домѣхъ царскихъ суть, — но суть цѣломудриемъ оболчени и правдою поясани, смѣрениемъ украшени» (Слово о бельцах и монашестве // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII в. СПб., 1997. С. 176).

¹⁸ Лучшая одежда — «одежда славы», лучшее ее употребление — передать нищему, обладание дорогой одеждой на пиру — лучшее напоминание о совершенных добродетельных поступках (Изборник 1076 г. М., 1965. С. 333 [140.2], 677 [264.6], 687 [269.12] и др.).

¹⁹ Наибольший интерес представляют исследования В. В. Милькова, С. А. Иванова, П. И. Гайдено, Т. В. Адамовой и др. (Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородец... С. 296, 434 (комм. 31), 435 (комм. 34), 444 (комм. 80), 446 (комм. 91, 94), 456 (комм. 169), 461 (комм. 197, 198, 199), 463 (комм. 219); Гайдено П. И. Священная иерархия Древней Руси (XI–XIII вв.): Зарисовки власти и повседневности. М., 2014. С. 7–114; Иванов С. А. Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003. С. 231–233; Адамова Т. В. История богослужебного облачения: учебное пособие. М., 2023; Устинова Е. А. Православные облачения. История и технология. М., 2004; Митрофан (Баданин), митр. Очерки истории церковных одежд. СПб., Мурманск, 2023).

одежд повседневных, белья, аксессуаров (даже монашеских одежд), то ситуация далека от желаемого²⁰.

Отмеченное положение дел несколько осложняется хотя бы потому, что для человека древности и Средневековья одежда представляла несомненную материальную ценность, обладание которой защищалось правовыми нормами своего времени²¹. К тому же она являлась своего рода продолжением его тела и отражением его достоинств и идентичности (этнической, религиозной, родовой, социальной). Особенно отчетливо отмеченная черта одежды обнаруживается в христианстве (в том числе в русском христианстве), в котором нагота представлялась образом не только невинности, уязвимости, духовной нищеты, смертности и тленности, но и греховности (Быт 2:25; Быт 3:10–11; Исх 20:26; Лев 18:8, 10, 16; Втор 28:48; Иов 1:21; Исх 47:3; Иез 16:36; 23:29; Ос 2:9; Мф 25:36, 43; Ин 21:7; Рим 8:35; 2 Кор 11:27; Откр 3:17–18)²². В это же время одеяние, особенно белое, символизировало собой обретение прощения и возвращение праведности²³. В имперском церемониале Византии в сочетании

²⁰ Данная особенность изучения церковного «костюма» очень точно подмечена Karel Innemée. Давая характеристику историографических исследовательских акцентов, она резонно отметила, что «Monastic dress and non-liturgical ecclesiastical dress are not included in the study, and although the title of the book mentions liturgical dress in East and West, the stress is clearly on the liturgical costume of the Western (Roman Catholic) Church». При этом, говоря о степени изученности восточнохристианского церковного облачения, она резюмировала, что «Liturgical costumes of the various Eastern Churches have not yet been studied in equal measure and when they have, the focus has been on Byzantine liturgical dress» (*Innemée K. C. Clothes make the magistrate... P. 176*).

²¹ Древнерусские княжеские и церковные нормы предполагали предельно широкие штрафы за воровство одежд или материала для их изготовления. В пространной редакции Правды Русской этому посвящены 34, 35 и 37 статьи, а в Уставе князя Ярослава о церковных судах (основного извода пространной редакции) — 33 правило (Правда Русская: в 3-х томах. М., Л., 1947. С. 365–367, 368–373, 378–380; Устав князя Ярослава о церковных судах [Пространная редакция. Основной извод] // Древнерусские княжеские уставы церкви XI–XV вв. М., 1976. С. 89).

²² Тема наготы в Св. Писании многогранна, контекстуальна и не имеет однозначного истолкования вне конкретных сюжетов и идей (*Салтыков А. А., прот. «Нагота» и «одежды» в Шестодневе // Гуманитарное пространство. 2019. Т. 8. № 5. С. 596–622*).

²³ Наиболее отчетливо тема белых одежд присутствует в книге пророка Исаяи и в Откровении Иоанна Богослова. Так, в 1 главе Исаяи убедительным образом изглаживания грехов стал белый цвет: «Тогда придите — и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю; если будут красны, как пурпур, — как волну убелю» (Ис 1:18). Не менее ярки образы 3 и 7 глав Апокалипсиса. «Впрочем у тебя в Сардисе есть несколько человек, которые не осквернили одежд своих, и будут ходить со Мною в белых одеждах, ибо они достойны. Побеждающий облечется в белые одежды; и не изглажу имени его из книги жизни, и исповедаю имя его пред Отцем Моим и пред Ангелами Его» (Откр 3:4, 5). «И, начав речь, один из старцев спросил меня: сии облеченные в белые одежды кто, и откуда пришли? Я сказал ему: ты знаешь, господин. И он сказал мне: это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои Кровию Агнца. За это они пребывают ныне перед престолом Бога и служат Ему день и ночь в храме Его, и Сидящий на престоле будет обитать в них. Они не будут уже ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце и никакой зной: ибо Агнец, Который среди престола, будет пасти их и водить их на живые источники вод; и отрет Бог всякую слезу с очей их» (Откр 7:13–17). Столь же нагляден образ белых одежд Христа во время Его

с золотом белый цвет был зримым свидетельством причастности к высшей божественной власти. Более того, обнажение влекло лишение человека чести и становилось предельной жестокой формой крайнего унижения и поругания²⁴. Однако проблема не только в том, что одежда скрывала наготу. Она обладала своей природой, и сама по себе была способна оказывать влияние на ее носителя, передавая ему особые свойства. Этот феномен хорошо прослеживается не только в отношении царских одежд и того, как они воспринимались варварами, в том числе славянами (росами)²⁵, но и в отношении иных облачений и их элементов.

Не только сакральным смыслом, но и особым благодатным даром обладали в сознании части христианского населения иноческие одежды, одно возложение которых на человека могло быть приравнено к постригу²⁶. Причем благодать, стяжавшаяся монахом-подвижником, передавалась и его одеждам. Свидетельствами такого восприятия одежд святых служат летописное и агиографическое сообщения о власянице прп. Николы Святоши²⁷

преображения на Фаворе, с тою лишь разницей, что Христос воплотил в Себе и человеческую, и божественную природы: «По прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, и преобразился пред ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет» (Мф 17:1, 2; Мк 9:2).

²⁴ Именно так поступила киевская вечевая толпа в 1147 г. во время расправы над кн. Игорем Ольговичем, так обошлись через 27 лет в 1174 г. заговорщики с телом кн. Андрея Юрьевича Боголюбского (Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 352–354, 590–591). Источники позволяют говорить, что подобная практика поругания существовала и в более позднее время. Так, в 1543 г. по воле юного великого князя Ивана Васильевича его псарями был убит кн. Андрей Михайлович Шуйский, а его обнаженное мертвое тело брошено «у Курлятных ворот». Н. В. Белов совершенно оправданно принял во внимание мнения, высказанные об убивших князя «псарях» как о лицах, связанных с псами — животными, в понимании людей того времени, нечистыми. Таким образом, тело князя подверглось еще большему осквернению (Полное собрание русских летописей. Т. 13: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (Продолжение). М., 2000. С. 145; Полное собрание русских летописей. Т. 29: Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М., 2009. С. 43; Полное собрание русских летописей. Т. 34: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978. С. 27; Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. Т. 7. М., 1951. С. 289; Белов Н. В. «...И велел его предати псарем»: Падение и гибель князя А. М. Шуйского в декабре 1543 г. (новый штрих к истории политической борьбы времени «боярского правления») // Палеорусия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2024. № 3 (в печати)).

²⁵ Константин Багрянородный. Об управлении империей. 2-е изд., испр. М., 1991. С. 55.

²⁶ Данный феномен, закрепленный в практиках прошлого, наиболее полно прописан в работе Б. А. и Ф. Б. Успенских (*Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. Иноческие имена на Руси*. М., СПб., 2017. С. 18–22).

²⁷ Чудесные свойства власяницы Святослава Давидовича (Николы Святоши) сказались прежде всего в судьбе его брата Изяслава Давидовича: «Пославше же, взяша воды; и, отрше гробъ святаго Феодосиа, дасть же игумень власяницу Святошину, брата его, да облукуть его в ню. И прежде даже не вниде носяй воду и власяницу, и абие проглагола князь: “Изыдете скоро на срѣтение пред градъ преподобныма Феодосию и Николѣ”. Вшедшу же посланному с водою и съ власяницею, и възопи князь:

и остатках одежд прп. Феодосия Печерского при обретении и прославлении в 1107 г. его мощей²⁸. Более того, одеждами покрывали надгробия и украшали захоронения почитаемых князей²⁹.

Однако одежда или материал, отмеченные осквернением, также были способны передавать эту нечистоту другим. Именно этим свойством одежды объясняется вопрос о допустимости употреблять женский плат для ремонта священнических порт³⁰.

Важно принять во внимание еще одно обстоятельство. Человек Средневековья не мог и не имел права надеть одежду, которая не соответствовала его социальному и иному положению. Важное значение имело все: ее виды, покрой, качество материала, богатство отделки, цвет, применяемые украшения, использовавшееся оружие или иные элементы образа (посохи, головные уборы, фибулы, плащи, поручи и т.д.). Существовала иерархия материалов, в которой шелк и, прежде всего, парча заняли высшее место, защищенное целым сводом законодательных норм³¹. Особую ценность представляли даже пути приобретения тканей и одежд. Крайне важно было, как эта одежда оказывалась на плечах носителя: кем она использовалась прежде, кто ее передал новому владельцу. В последнем случае ткани и одежды выступали дарами

“Никола, Никола Святоша!” И даше ему пити, и облекоша его въ власяницу, и абие здравъ бысть. И вси прославиша Бога и угодники его. Ту же власяницу взимаше на ся, егда разболяшася, и тако здравъ бываше. Самъ же къ брату ехати хотяше, и удръжанъ бысть от тогда сущих епископъ. Въ всякую же рать сию власяницу не себѣ имяше, и тако без вреда пребываше. Съгрѣшившу же ему нѣкогда, не смѣ взяти ея не себѣ, и тако убиенъ бысть в рати; и заповѣда в той же положити ся» (Киево-Печерский патерик... С. 382).

²⁸ «И бѣ видѣти въ церкви, покрываему днѣвному свѣту свѣщным свѣтом; прикасающася святнтелие, облобызающе мощи святаго, припадающе же иерѣи, любезне целующе, притечущи же с народи иноци, прикасающася ометы одѣжди святаго, пѣсни духовныа Богу възсылающе и благодарственаа хваления святому приносяще» (Киево-Печерский патерик... С. 326; Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 283).

²⁹ О такой практике в домонгольской Руси сообщает Лаврентьевская летопись под 1237 г., сообщая о разграблении собора и княжеских захоронений в Владимире: «Татарове же силоу сотвориша двери црѣвныа. и видѣша ѡвы ѡгнем скончавшаѣ. ѡвы же ѡружьем до конца смрѣти предаша. стую Бѣю разграбиша. чюдную икону ѡдраша оукрашену златомъ и серебромъ и каменьемъ драгымъ. и манастырѣ всѣ и иконы ѡдраша. а иныѣ исѣкоша. а ины поимаша. и крѣсты чѣтныа. и ссуды сѣщенныа. и книги ѡдраша. и порты блжннхъ первыхъ князии. еже баху повѣшали в црѣвахъ стѣхъ. на памѣт собѣ. то же все положиша собѣ в полонъ» (Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 463; Толочко А. П. «Порты блаженных первых князей»: к вопросу о византийских политических теориях на Руси // Южная Русь и Византия: сб. научных трудов (к XVIII конгрессу византинистов. Киев, 1991. С. 34–42).

³⁰ «Аще случится плат женский в порт вшить попу, достоин ли в том служить порте? — И рече: достоин, — ци погана есть жена?» (Вопросы Кирика... Стб. 25; Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородец... С. 461, комм. 197–200).

³¹ См. подробнее: *Muthesius A. M. Silk, Power and Diplomacy In Byzantium // Textile Society of America Symposium Proceedings: Third Biennial Symposium, September 24–26, 1992. Seattle Art Museum, Seattle, Washington. Seattle, 1992. P. 99–110. URL: <https://core.ac.uk/reader/188080750> (дата обращения: 30.07.2024).*

и наградами, как, например, это было в Византии, где в IV–XV вв. культура ткани и торжественных облачений находилась на недостижимой для их соседей высоте, и такие дарения воспринимались в качестве проявления высочайшей добродетели³², или же хорошо просматривается в поздней русской дворцовой практике дарения шуб³³. Однако, даже если спуститься на нижние ступеньки социальной лестницы древнерусского города, то и здесь можно увидеть неподдельный интерес жителей к тканям. Так, Е. М. Калугина обратила внимание на то, что из более чем 1.200 берестяных грамот, найденных в древнерусских городах, 22 так или иначе затрагивают вопросы тканей и того, что можно назвать текстилем³⁴. Причем этот интерес к текстилю и тканям в кругу горожан со временем лишь укреплялся³⁵.

Таким образом, вопросы одежды имели весьма существенное значение для современников той далекой эпохи, особенно, если они принадлежали к клиру или монашествующим.

Заданные мнихом Иаковом вопросы и данные митр. Иоанном ответы, скорее всего, отражали реалии времени. Вопрос о теплом меховом исподнем указывает не только на то, что описанное связано со служением в зимнее время («великия ради зимы»), как совершенно определенно об этом высказался С. А. Иванов³⁶, но и на то, что служба совершалась в неотопливаемом храме. Весьма примечательно одно обстоятельство, которое, к сожалению, так и не было осмыслено в историографии: заимствовав в Византийском мире концепции организации храмового пространства и формы, древнерусские зодчие не воспроизвели присутствовавшие в строительной практике империи способы сохранения тепла внутри церквей. Отмеченная особенность видится крайне странной.

При этом необходимо учесть еще одно обстоятельство. Вопросы, заданные Иаковом, отражали реалии Среднего Поднепровья, климат которого значительно отличается от новгородского несравнимо большей мягкостью и куда менее суровыми зимами. Вместе с тем, обнаруживается сходное употребление одежд и близкое отношение в церковной среде к проблеме ритуальной чистоты, в данном случае — к использованию шкур «нечистых животных», которые являлись таковыми не только с точки зрения Св. Писания, но и по причине употребления некоторых из этих шкур в языческих ритуалах восточных славян³⁷. Во всяком случае, 14-й Канонический ответ митр. Иоанна

---

³² О культуре ткани и одежд в Византии см. подробнее: *Muthesius A. M. Silk, culture and being in Byzantium: how far did precious cloth enrich “memory” and shape “culture” across the empire (IVth–XVth centuries)?* // *Δελτίον της Χριστιανικής Αρχαιολογικής Εταιρείας*. 2015. Т. 36. Σ. 345–362.

³³ См. подробные замечания Б. Л. Шапиро: *Шапиро Б. Л. Россия в шубе. Русский мех: история, национальная идентичность и культурный статус*. М., 2023. С. 39–45.

³⁴ *Калугина Е. М. Текстиль домонгольской Руси по данным берестяных грамот XI – первой трети XIII века* // *Археология Евразийских степей*. 2023. № 1. С. 86–92.

³⁵ *Калугина Е. М. Средневековые ткани по сообщениям берестяных грамот второй трети XIII–XV вв.* // *Археология Евразийских степей*. 2024. № 1. С. 169–176.

³⁶ *Иванов С. А. Византийское миссионерство...* С. 231–233.

³⁷ Прежде всего, это касается медведя (*Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородца...* С. 296).

перекликается с уже упоминавшимся 91-м вопросом Кирика Новгородца и отчасти 2-м его вопросом, связанным с использованием посуды, в которую попало нечистое животное³⁸. Употребление шкур нечистых животных скорее всего объяснялось либо их большей дешевизной или / и их большей практичностью и эффективностью, если это, например, касалось шкур медведя. Правда, при этом не вполне ясно, что именно подразумевалось под «исподним», под которым можно понимать различные элементы нижней одежды. Наконец, в 14-м Каноническом ответе примечательно то, что его положения не только принимали местные нормы, объясняемые суровым климатом и местными обычаями, к которым апеллирует русский митрополит, но и распространяет эти нормы на всех клириков, т. е. «служебников»: и священников, и диаконов, и иподиаконов.

Более интересным видится 33-й ответ митр. Иоанна, призванный ограничить использование клириками разноцветных дорогих шелковых риз. Судя по всему, претензии касались не богослужебного облачения, а подрясников и ряс. Высказываясь о внешнем виде иереев, русский первосвяtitель исходил из норм VI Вселенского Собора, 27-е правило которого действительно требует от священнослужителей, чтобы они носили одежду приличную, т. е. принятую в отношении клириков. Наказанием же за это, согласно каноническому праву, становилось семидневное отстранение пресвитера от службы: «Никто из числящихся в клире да не одевается в неприличную одежду, ни пребывая во граде, ни находясь в пути: но всякий из них да употребляет одежды, уже определенныя для состоящих в клире. Аще же кто учинит сие: на едину седмицу да будет отлучен от священнослужения»³⁹.

При всей кажущейся справедливости требований русского первосвяtitеля, высказанное им суждение с канонической позиции безупречно. Например, 27-е правило ничего не говорит о цвете и материале повседневной священнической одежды, а именно о ней идет речь, судя по тому, что она названа «ризами». Этот вопрос регулировался обычаями, причем местными. Однако не вполне ясно, какую одежду носили древнерусские клирики в описываемый период в быту. Сохранившаяся до настоящего времени и находящаяся в Третьяковской галерее Свенская икона Божией Матери содержит одно из древнейших изображений того, как одевались иноки Печерского монастыря. Даже при том, что на иконе изображены только отцы-основатели обители — прпп. Антоний и Феодосий Печерские, можно получить представление о том, каким было монашеское и священническое одеяние в монастыре. Однако нет изображений одежд иереев, совершавших служение в городском храме.

³⁸ «Достоить ли, рече, глиньну съсоуду молитвоу даяти осквърньшюся, ци ли толико древяноу, а инехъ избивати? — Якоже древяноу, такоже глиньноу, тако меди, и стъклоу, и среброу, и всемоу твориться молитва». Рассматриваемый вопрос и данный на него ответ примечательны не только в контексте проблемы ритуальной чистоты. Он очень точно передает атмосферу бедности и скудности быта некоторых пастырей и их пасомых (Вопросы Кирика... Стб. 23; Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородец... С. 431, комм. 6–8).

³⁹ *Никодим (Милаш), еп.* Правила Православной Церкви: с толкованиями Никодима, епископа далматинско-истрийского. [Репринт. изд. СПб., 1911]. Т. 1. М., 1994. С. 509–510.

Действительно, при том, что как заданный вопрос, так и полученный на него ответ не уточняют, о каком именно священстве идет речь (монашеском или женатом городском), логично допустить, что пафос Канонического ответа касался прежде всего городского киевского духовенства. Впрочем, послание свт. Кирилла Туровского иг. Василию показательно, поскольку, вероятно, отвечая на сетования иг. Василия, святитель предложил тому притчу и толкование, касавшееся в том числе и одежды: «Всяка бо добра риза и плотское украшенье чюжь есть игумена и всего мнишьскаго уставленья»⁴⁰. Для иноческой одежды более приличествуют грубые материалы: «ту бо яриг, и власяница, сукняныя одежа, и от козых кож оболченья»⁴¹.

Не менее примечательно то, как представлен идеал монашеского одевания в менее известных статьях Варсонофьевской Кормчей, исследуемых Г. С. Баранковой. Среди рекомендаций относительно поведения и жизни иноков присутствует и такая: «Одежда его — риза из простого сукна, “самотворена, а не чинена” (т.е. самотканая, а не изготовленная на заказ), пояс — простой кожаный (ср. в Сказании о черноризском чине свят. Кирилла Туровского: «ризы ж не славны и мягки любя, но растуца, сиречь многими пошивая заплатами» Син-132, л. 606а)»⁴². Правда, здесь необходимо принять во внимание, что иг. Василий происходил из женатого киевского священства. Уже в другом послании, известном как «Послание к игумену Василию о схиме», еп. Кирилл, обращаясь к авве Печерского монастыря, особо отмечает: «А ты в бѣлцѣх и во иночествѣ Богу угодивъ и душеполезно поживъ, а в калугерское иго иды, апостольскы вся задняя забуди, а на предняя простирайся»⁴³. Анализ археологических данных Новгорода и норм, изложенных в Вопрошании Кирика Новгородца, дают основание полагать, что в то время как сельские священники были бедны, городское духовенство крупных городов по своему достатку порой вполне соотносилось с состоятельной частью населения города⁴⁴. Нельзя исключать того, что в Киеве была аналогичная ситуация. А следовательно, данное правило было адресовано к состоятельному духовенству. Все же шелковые и белые одежды были крайне дороги.

Уже упоминавшиеся выше исследования Е. М. Калугиной убедительно продемонстрировали, что основной ассортимент присутствовавших на Руси тканей местного производства и в цветовом решении, и качественно не отличался большим разнообразием. Что же касается доставлявшегося с берегов Босфора шелка, то он представлял колоссальную ценность не только на Руси, но и в самой Византии, откуда он поступал в описываемый период в Киев

⁴⁰ Слово о бельцах и монашестве... С. 176.

⁴¹ Там же.

⁴² Баранкова Г. С. Цикл дополнительных статей о чернецах, приписываемых Василию Великому, в Варсонофьевской кормчей XIV в. // Палеоросия. Древняя Русь: во временах, в личностях, в идеях. 2024. № 3 (в печати).

⁴³ Послание к игумену Василию о схиме. Послание некоего старца к блаженному в Боге архимандриту Василию о схиме // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII в. СПб., 1997. С. 202.

⁴⁴ Гайденок П. И. Религиозная ситуация в Новгороде по материалам «Вопрошания» Кирика Новгородца // Кирик Новгородец и древнерусская культура. Ч. 2. Великий Новгород, 2012. С. 139–153.

и другие города. При этом шелк рассматривался в качестве наиболее престижного материала. Столь же высоким представлялось значение одежд белого цвета, ассоциировавшихся со знатностью. Правда, если в Византии белый цвет с золотом являлся цветом придворного гардероба, то на Руси — княжеской привилегии. Вероятно, этим можно объяснить насмешливо-завистливое именование любимца Андрея Боголюбского еп. Феодора Ростовского «белым клубочком» [Гайденко, 2014, 46–49].

По сути, митр. Иоанн и мних Иаков выступили против показной роскоши духовенства, что в целом соответствовало духу и букве других правил Церкви, прежде всего 16-го правила VII Вселенского Собора: «Всякая роскошь и украшение тела чужды священнического чина и состояния. Сего ради епископы, или клирики, украшающие себя светлыми и пышными одеждами, да исправляются. Аще же в том пребудут, подвергати их епитимии: такожде и употребляющих благовонныя масти. Поскольку же корень горести, выспрь прозябай (Евр 12:15), ересь христианохульников, соделалась нечистым пятном для кафолическия Церкви и приявшие оную не токмо иконными изображениями возгнушались, но и всякое благоговение отвергли, ненавидя людей честно и благоговейно живущих, и исполнилось в них написанное: мерзость грешником благочестие (Сир 1:25): то аще обрящутся некие, посмеивающиеся носящим простое и скромное одеяние, епитимией да исправляются. Понеже, от древних времен, всякий священный муж довольствовался нероскошным и скромным одеянием: ибо все, что не для потребности, но для убранства приемлет, подлежит обвинению в суетности, якоже глаголет Василий Великий. Но и разноцветныя из шелковых тканей одежды не были носимы, и на края одежд не налагалися воскрилия инаго цвета: ибо слышали от Богогласнаго языка, яко в мягкия одежды одевающиеся в домех царских суть (Мф 11:8)»⁴⁵.

Правда, в борьбе с роскошью имели место и пределы. 12-е правило Гангского Собора середины IV в. предупреждало: «Если кто из мужей, ради мнимого подвижничества, употребляет суровую верхнюю одежду и, якобы от сего получая праведность, осуждает тех, которые со благоговением носят шелковые одеяния и употребляют общую и обыкновением принятую одежду, да будет под клятвой»⁴⁶.

Епископ Никодим (Милаш) интерпретировал последнее правило как норму, касающуюся не повседневной одежды, а богослужебного облачения. Однако здесь все же необходимо заметить, что в условиях поздней античности христианский аскетизм отказывал в роскоши в том числе и литургическим облачениям, находя такое стремление к украшению неуместным. Именно так относился к роскошным богослужебным ризам Исидор Пелусиот († ок. 449) в своем письме к мон. Кратону: «носить мягкие, тонкие, красивые и цветные одежды, значит не сохранять правило подвижничества по Богу», «потому что роскошь в одеждах — знак здешней изнеженности, а не горней светоносности»⁴⁷.

⁴⁵ Никодим (Милаш), еп. Правила Православной Церкви: с толкованиями Никодима, епископа далматинско-истрийского. [Репринт. изд. СПб., 1911]. Т. 1. М., 1994. С. 627–629.

⁴⁶ Там же. Т. 2. С. 42–43.

⁴⁷ Исидор Пелусиот, прп. Творения. Ч. 1. М., 1859. С. 51.

Здесь необходимо заметить, что в своих правилах митрополит не разделяет богослужебные и повседневные одежды священнослужителей, что видится вполне обоснованным, поскольку даже повседневная одежда клирика лишь условно отделена от литургической, т.к. указывает на принадлежность ее обладателя к особому классу лиц, которым доверено совершение богослужения. К тому же она фактически выступает частью облачения, в котором пресвитер, диакон и иподиакон совершают службу. Поэтому вполне логично допустить, что митрополит стремился предупредить ситуацию, при которой повседневные и литургические одежды пресвитеров могли соперничать с епископскими облачениями.

Заключение

Все изложенное выше подтверждает, что Канонические ответы митр. Иоанна были призваны установить на Руси — прежде всего в Киеве — нормы и традиции, характерные для Византии. Однако ни местный климат, ни особая культура, ни социальная среда не позволяли совершить этот перенос быстро и привести местные традиции в соответствие с традициями Византии. Примечательно, что как вопросы, заданные мнихом Иаковом, так и полученные на них ответы оказались созвучны вопросам и ответам Кирика Новгородца. Это указывает на то, что многие проблемы организации Русской Церкви на Юге и Севере Руси оказались едиными. Очевидно, что мних Иаков и митр. Иоанн были единомысленны в стремлении упорядочить церковную жизнь на Руси. Однако ясно ответить на вопрос, насколько эффективными оказались эти меры, не представляется возможным...

Источники и литература

Источники

1. Вопросы Кирика, Саввы и Илии, с ответами Нифонта, епископа новгородского, и других иерархических лиц // Русская историческая библиотека. Т. 6. Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1880. Стб. 21–62.
2. Изборник 1076 г. М.: Наука, 1965. 1094 с.
3. *Исидор Пелусиот, прп.* Творения. Ч. 1. М., 1859. 480 с.
4. Канонические ответы митрополита Иоанна II // Русская историческая библиотека. Т. 6. Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1880. Стб. 1–20.
5. Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII в. СПб.: Наука, 1997. С. 296–489.
6. Константин Багрянородный. Об управлении империей. 2-е изд., испр. М.: Наука, 1991. 496 с.
7. *Никодим (Милаш), еп.* Правила Православной Церкви: с толкованиями Никодима, епископа далматинско-истрийского. [Репринт. изд. СПб., 1911]. Т. 1–2. М.: Междунар. изд. центр правосл. лит., 1994. 660, 645 с.
8. Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001. 733 с.

9. Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. 1105 с.
10. Полное собрание русских летописей. Т. 13: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (Продолжение). М.: Языки русской культуры, 2000. 540 с.
11. Полное собрание русских летописей. Т. 29: Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М.: Знак, 2009. 389 с.
12. Полное собрание русских летописей. Т. 34: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М.: Наука, 1978. 304 с.
13. Послание к игумену Василию о схиме. Послание некоего старца к блаженному в Боге архимандриту Василию о схиме // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII в. СПб.: Наука, 1997. С. 198–205.
14. Правда Русская: в 3-х томах. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 862 с.
15. Слово о белцах и монашестве // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII в. СПб.: Наука, 1997. С. 170–185.
16. Устав князя Ярослава о церковных судах [Пространная редакция. Основной извод] // Древнерусские княжеские уставы церкви XI–XV вв. М.: Наука, 1976. С. 85–91.

Литература

17. Адамова Т. В. История богослужебного облачения: учебное пособие. М.: ПСТГУ, 2023. 122 с.
18. Баранкова Г. С. Цикл дополнительных статей о чернецах, приписываемых Василию Великому, в Варсонофьевской кормчей XIV в. // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2024. № 3 (в печати).
19. Белов Н. В. «...И велел его предати псарем»: Падение и гибель князя А. М. Шуйского в декабре 1543 г. (новый штрих к истории политической борьбы времени «боярского правления») // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2024. № 3 (в печати).
20. Гайденко П. И. Религиозная ситуация в Новгороде по материалам «Вопрошания» Кирика Новгородца // Кирик Новгородец и древнерусская культура. Ч. 2. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т, 2012. С. 139–153.
21. Гайденко П. И. Священная иерархия Древней Руси (XI–XIII вв.): Зарисовки власти и повседневности. М.: Университетская книга, 2014. 212 с.
22. Голубинский Е. Е. История Русской Церкви [Репр. изд.]. Т. 1: Период первый, киевский или домонгольский. Первая половина тома. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1997. 992 с.
23. Голубинский Е. Е. История Русской Церкви [Репр. изд.]. Т. 1: Период первый, киевский или домонгольский: Вторая половина тома. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1997. 950 с.
24. Иванов С. А. Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? М.: Языки славянской культуры, 2003. 375 с.
25. Калугина Е. М. Средневековые ткани по сообщениям берестяных грамот второй трети XIII–XV вв. // Археология Евразийских степей. 2024. № 1. С. 169–176.
26. Калугина Е. М. Текстиль домонгольской Руси по данным берестяных грамот XI – первой трети XIII века // Археология Евразийских степей. 2023. № 1. С. 86–92.

27. Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. М.: Кругъ, 2011. (Памятники древнерусской мысли: исследования и публикации. Вып. VII). 544 с.
28. Митрофан (Баданин), митр. Очерки истории церковных одежд. СПб.: Ладан, Мурманск: Изд-во Мурманской епархии, 2023. 155 с.
29. Салтыков А. А., прот. «Нагота» и «одежды» в Шестодневе // Гуманитарное пространство. 2019. Т. 8. № 5. С. 596–622.
30. Солнцев Н. И. Провиденциальная историческая концепция в трудах русских историков-клириков XVIII–XIX веков. Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2005. 197 с.
31. Толочко А. П. «Порты блаженных первых князей»: к вопросу о византийских политических теориях на Руси // Южная Русь и Византия: сб. научных трудов (к XVIII конгрессу византинистов. Киев: Наукова думка, 1991. С. 34–42.
32. Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. Иноческие имена на Руси. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2017. 344 с.
33. Устинова Е. А. Православные облачения. История и технология. М., 2004. 99 с.
34. Шапиро Б. Л. Россия в шубе. Русский мех: история, национальная идентичность и культурный статус. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 302 с.
35. Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. Т. 7. М.: АН СССР, 1951. С. 254–299.
36. Braun J. S. J. Die liturgische Gewandung im Occident und Orient nach Ursprung und Entwicklung. Freiburg im Breisgau: Herder, 1907.
37. Innemée K. C. Clothes make the magistrate: the birth of ecclesiastical dress // Rituals in Early Christianity. New Perspectives on Tradition and Transformation / Ed. A.-K. Geljon, N. Vos. Leiden: Brill, 2021. P. 175–200.
38. Innemée K. C. Ecclesiastical Dress in the Medieval Near East. Leiden: Brill, 1992. 300 p.
39. Mayo J. A History of Ecclesiastical Dress. New York: Holmes and Meier, 1985. 192 p.
40. Muthesius A. M. Silk, culture and being in Byzantium: how far did precious cloth enrich “memory” and shape “culture” across the empire (IVth–XVth centuries)? // Δελτίον της Χριστιανικής Αρχαιολογικής Εταιρείας. 2015. Т. 36. Σ. 345–362.
41. Muthesius A. M. Silk, Power and Diplomacy In Byzantium // Textile Society of America Symposium Proceedings: Third Biennial Symposium, September 24–26, 1992. Seattle Art Museum, Seattle, Washington. Seattle, 1992. P. 99–110. URL: <https://core.ac.uk/reader/188080750> (дата обращения: 30.07.2024).
42. Papas T. Studien zur Geschichte der Messgewänder im byzantinischen Ritus. München, 1965. 261 p.
43. Tyack G. S. The historic dress of the clergy. London: W. Andrews & Co., 1897. 144 p.
44. Woodfin W. T. The Embodied Icon. Liturgical Vestments and Sacramental Power in Byzantium. Oxford: Oxford University Press, 2012. 376 p.